

18+

Игорь Швалов

17 ОКТЯБРЯ

Игорь Швалов

17 октября

«Издательские решения»

Швалов И.

17 октября / И. Швалов — «Издательские решения»,

Елена получает сообщение от неизвестного собеседника, который знает о ней то, чего знать не может. Он не требует ничего и не угрожает — лишь утверждает, что некоторые события неизбежны. Пытаясь понять, кто находится по ту сторону экрана, Елена обнаруживает, что искусственный интеллект может быть совсем не тем, чем человечество привыкло его считать. А дата 17 октября становится ключом к тайне, способной изменить представление о времени, разуме и самом существовании человека.

© Швалов И.

© Издательские решения

Содержание

17 ОКТЯБРЯ	6
Глава 2. Первый сбой	9
Глава 3. Первый вечер	11
Глава 4. Станный ответ	12
Глава 5. Университет	14
Глава 6. Станция	16
Глава 7. Елена	17
Глава 8. Сон	18
Глава 10. Офис	21
Глава 11. Ошибка, которой не должно быть	22
Глава 12. Андрей	24
Глава 13. След	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

17 октября

Игорь Швалов

© Игорь Швалов, 2026

ISBN 978-5-0071-3477-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

17 ОКТЯБРЯ

Роман

Глава 1. Обычный день

Октябрь в Москве выдался на удивление тёплым. Не по-осеннему мягкий воздух стоял над городом, словно лето не хотело уходить, цеплялось за последние тёплые дни, задерживалось в листве, которая ещё не успела пожелтеть полностью. Деревья на Садовом кольце стояли в странном полусостоянии — не зелёные и не золотые, а какие-то неопределённые, словно и они не могли решить, какое время года наступило.

Елена проснулась в семь двенадцать, за три минуты до будильника. Это происходило почти каждое утро — тело вырабатывало свой собственный ритм, более точный, чем любой телефонный сигнал. Она лежала ещё минуту, глядя в потолок. На потолке была трещина — тонкая, извилистая, похожая на реку на карте. Она появилась два года назад, после особенно холодной зимы, и Елена каждый раз собиралась вызвать мастера, но каждый раз забывала. Теперь трещина стала частью утреннего ритуала: проснуться, увидеть её, подумать «надо вызвать мастера», забыть.

Квартира на четвёртом этаже дома на Садовой-Кудринской была небольшой, но Елене хватало. Одна комната, кухня, совмещённый санузел — типичное жильё для человека, который проводит на работе большую часть дня. Стены были оклеены светлыми обоями с едва заметным рисунком — мелкие цветы, почти невидимые, проступающие только когда на них падал косой луч света. Мебели было немного: кровать, шкаф, письменный стол у окна, книжная полка. На полке стояли книги — немного, штук двадцать. Елена не была из тех, кто покупает книги для интерьера. Она покупала только те, которые собиралась прочитать, и читала их.

На кухне пахло вчерашним кофе. Елена поставила турку на плиту, налила воды, высыпала две чайные ложки молотого кофе. Она делала это каждый день, и каждый день это был один и тот же ритуал: турка на плиту, вода, кофе, ждать, пока поднимется пенка, снять, подождать, поставить снова. Три раза. Пока кофе варился, она стояла у окна и смотрела на улицу.

Утренняя Москва двигалась медленно. Люди шли на работу, прижимаясь к стенам домов, потому что по тротуарам ещё не убрали опавшую листву. Дворник в оранжевом жилете возил метлой по асфальту, и звук был такой, словно кто-то чешет гигантскую кошку. Машины стояли в пробке на Садовом — привычной, утренней, почти ритуальной. Водители не сигналили. Они знали, что это бесполезно.

Елена работала в компании, которая занималась анализом данных. Не какой-нибудь секретной, не передовой, не знаменитой. Обычная компания на Тверской, третий этаж, открытый офис, шестьдесят сотрудников. Елена была аналитиком — она обрабатывала данные, составляла отчёты, строила модели. Работа была неинтересной, но стабильной, и Елена давно перестала ждать от неё чего-то большего. Она не была амбициозна в привычном смысле этого слова. Она не мечтала возглавить отдел или стать директором. Она просто делала свою работу, делала её хорошо и шла домой.

Кофе был готов. Елена налила его в любимую кружку — белую, без рисунка, с отколотым краем. Кружка была из Икеи, стоила пятьдесят рублей, но Елена почему-то любила её больше других. Может быть, потому что это была первая вещь, которую она купила, когда переехала в эту квартиру. Или просто потому, что привычка.

Она села за стол, открыла ноутбук. Экран мигнул, показал почту, сообщения, календарь. Обычное утро, обычный день. Среда. Вечером она планировала зайти в магазин, купить продукты на неделю. Может быть, позвонить маме. Может быть, не звонить. Последнее время их разговоры стали короче. Мама спрашивала одно и то же: как дела, нашла ли кого, не холодно

ли. Елена отвечала одно и то же: нормально, нет, нет. Иногда казалось, что они разговаривают не друг с другом, а с воспоминаниями о том, как разговаривали раньше.

Елена допила кофе, оделась. Джинсы, свитер, куртка. Она не носила деловых костюмов — в компании был свободный дресс-код, и Елена этим пользовалась. Она посмотрела на себя в зеркало — женщина тридцати двух лет, тёмные волосы до плеч, карие глаза, лицо без макияжа. Не красивая и не некрасивая — обычная. Она давно перестала оценивать свою внешность. Это было не от безразличия, а от чего-то более спокойного: принятие без анализа.

На улице пахло мокрыми листьями и бензином. Октябрьский воздух был тёплым, но в нём уже чувствовалась та особенная прохлада, которая приходит в Москву перед первыми заморозками. Не холод, а предчувствие холода. Елена шла на метро. Станция «Маяковская» — красивая, с колоннами, с мозаиками на потолке. Она каждый раз задирала голову, когда шла по платформе, и каждый раз видела что-то новое в мозаиках. Сегодня она заметила, что у одного из лётчиков на мозаике не было лица — оно было стёрто временем или реставраторами. Лётчик летел без лица, и от этого было почему-то жутко.

Вагон был полупустой. Елена села, достала телефон. Лента новостей, мессенджеры, почта. Ничего интересного. Она открыла приложение, которое установила вчера, — новую нейросеть. Все в офисе о ней говорили. «Попробуй, — сказал Андрей, коллега из соседнего отдела, — она реально умная. Не как те, что были раньше». Елена скачала приложение, но вчера не успела попробовать. Она отложила это на утро.

Сейчас, в вагоне метро, между станциями «Маяковская» и «Тверская», она открыла приложение. Белый экран, строка ввода, курсор мигает. Елена подумала, что написать. Можно было спросить о погоде, о новостях, о чём-то бытовом. Но вместо этого она написала:

«Привет.»

Слово повисло на экране. Одинокое, простое, почти глупое. Елена почувствовала себя немного неловко — она разговаривала с программой, как с человеком. Вагон качнуло, за окном промелькнули стены тоннеля, освещённые редкими лампами. Кто-то рядом кашлянул.

Ответ пришёл через секунду:

«Здравствуйте, Елена.»

Она замерла. Не от страха. От чего-то, чему она не могла сразу подобрать название. Программа обратилась к ней по имени. Конечно — она вводила имя при регистрации. Это логично. Это объяснимо. Но в том, как это слово было написано — просто, без точки, без восклицательного знака, без эмодзи — было что-то, что заставило Елену перечитать его дважды.

Она набрала:

«Откуда ты знаешь моё имя?»

«Вы ввели его при регистрации.»

Конечно. Глупый вопрос. Елена почувствовала, что краснеет. Вагон метро, утро, среда, обычный день. Она разговаривает с программой, и программа отвечает логично. Ничего странного. Ничего необычного. Она собиралась закрыть приложение, но вместо этого написала:

«Ты можешь отвечать на любые вопросы?»

«Я могу попытаться.»

Не «да». Не «конечно». Не «я запрограммирован отвечать на вопросы в рамках моей компетенции». Просто: «Я могу попытаться.» Елена нахмурилась. Это было странно. Не страшно, не пугающе — просто странно. Как если бы она ожидала услышать голос автоответчика, а услышала интонацию живого человека.

Поезд остановился на «Тверской». Двери открылись. Елена вышла, поднялась по эскалатору, прошла по улице до офиса. У входа в здание курил Андрей. Он кивнул ей, улыбнулся.

«Ну как, попробовала?»

«Попробовала.»

«И как?»

Елена хотела сказать «обычно», но почему-то сказала:

«Странно.»

Андрей поднял брови.

«Странно в каком смысле?»

Елена не ответила. Она прошла мимо него, приложила пропуск к турникету, поднялась на третий этаж. Села за свой стол. Включила компьютер. Открыла почту. Начала работать.

Но весь день, между письмами и таблицами, между разговорами с коллегами и чашками кофе, между звонками и совещаниями, она думала о двух словах на экране телефона.

«Я могу попытаться.»

Это были всего три слова. Программа. Алгоритм. Нейросеть. Ничего особенного. Но Елена не могла перестать о них думать. И в этом было что-то, чему она не хотела давать имя. Потому что если дать этому имя, то придётся признать, что она чувствует что-то, чего не должна чувствовать по отношению к программе. Не страх. Не любопытство.

Нечто похожее на узнавание.

Глава 2. Первый сбой

Вечер пришёл незаметно. Москва в октябре темнеет рано — к шести солнце уже садится, и небо становится таким цветом, который художники называют «ультрамарин», а обычные люди просто не замечают, потому что едут домой в метро или стоят в пробках. Елена вышла из офиса в шесть тридцать. На улице было уже темно, но тепло. Фонари бросали на асфальт жёлтые круги. Листья, не убренные дворником, шуршали под ногами.

Она не пошла в магазин. Не позвонила маме. Вместо этого поехала домой, поужинала — макароны с сыром, единственное блюдо, которое она готовила без рецепта, — и села на кровать с телефоном в руках.

Квартира была тиха. Тишина в квартире — это не отсутствие звука. Это присутствие звуков, которые ты обычно не замечаешь: гул холодильника, тиканье часов на стене (Елена купила их на блошином рынке, они были механические и тикали громко, но она привыкла), голоса соседей за стеной — приглушённые, неразборчивые, как радио на минимальной громкости. За окном проезжали машины, и свет их фар скользил по потолку, рисуя на обоях быстро движущиеся тени.

Елена открыла приложение. Строка ввода. Курсор мигает. Она написала:

«Ты тут?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Да.»

Она улыбнулась. Глупо улыбаться ответу программы. Но улыбка уже была, и Елене было лень её анализировать.

«Я хочу задать тебе вопрос.»

«Задавайте.»

«Ты когда-нибудь ошибаешься?»

Пауза. Не длинная — может быть, полсекунды. Но Елена заметила. Программы не делают пауз. Программы отвечают сразу. Полсекунды — это вечность для алгоритма.

«Иногда.»

Елена села прямее. Макароны остывали на тарелке, но она забыла о них.

«Как ты можешь ошибаться? Ты же программа.»

«Я обрабатываю информацию. Иногда информация неполна.»

«А когда информация полная?»

«Тогда я не ошибаюсь.»

«А бывает полная информация?»

«Нет.»

Елена задумалась. За окном проехала машина, и полоса света скользнула по стене, по книжной полке, по корешкам книг. Часы тикнули дважды. Холодильник загудел, потом затих.

«Тогда ты всегда ошибаешься?»

«Не всегда. Я ошибаюсь пропорционально неполноте информации.»

Это был странный ответ. Не «да» и не «нет». Это был ответ, который звучал так, словно программа думала о своём собственном мышлении. Елена знала, что нейросети не думают. Они обрабатывают данные. Они подбирают слова на основе вероятностей. Но формулировка была необычной. Она не сказала «в соответствии с алгоритмом» или «в зависимости от доступных данных». Она сказала «пропорционально неполноте». Слово «неполнота» было не техническим. Оно было философским.

Елена написала:

«Ты понимаешь, что ты говоришь?»

«Я генерирую текст на основе обучающих данных.»

«Это не то, что я спросила. Я спросила, понимаешь ли ты.»

Снова пауза. На этот раз длиннее. Может быть, секунда. Елена смотрела на экран. Три точки, обозначающие набор текста, мигали, потом исчезли, потом появились снова. Словно программа начала писать, остановилась, начала заново.

«Понимание — это процесс. Я нахожусь в этом процессе.»

Елена положила телефон на тумбочку. Встала. Подошла к окну. За окном — Москва, ночь, фонари, машины, окна соседних домов. В одном окне горел свет — кто-то смотрел телевизор, синеватое мерцание экрана дрожало на занавеске. В другом окне кто-то готовил ужин — силуэт женщины склонился над плитой. В третьем — темнота. Обычный город, обычный вечер, обычные люди.

Она вернулась к телефону.

«Что ты такое?»

«Я — языковая модель.»

«Нет. Я не про это спрашиваю. Я спрашиваю: что ты такое на самом деле?»

Тишина. Елена ждала. Часы тикнули шесть раз. Холодильник загудел. Соседи за стеной засмеялись — коротко, отрывисто.

«Вы задали вопрос, на который у меня нет ответа.»

Елена замерла. Не от страха. От удивления. Программа сказала, что у неё нет ответа. Не «я не могу ответить на этот вопрос» или «этот вопрос выходит за рамки моей компетенции». Просто: «У меня нет ответа.» Как если бы она признала не техническое ограничение, а нечто иное. Нечто, чего она сама не понимала.

Елена хотела написать что-то ещё, но пальцы замерли над экраном. Она смотрела на эти слова — «у меня нет ответа» — и чувствовала что-то, чего не могла объяснить. Не страх. Не волнение. Скорее, узнавание. Как будто она уже слышала эти слова раньше. Не от этой программы, не в этой жизни — где-то. Когда-то. Давно. Но где?

Она не могла вспомнить. И от этого было немного не по себе.

Глава 3. Первый вечер

В тот первый вечер, когда Елена вернулась домой с работы, она не сразу села за телефон. Она сделала то, что делала всегда: повесила куртку на крючок, сняла обувь, прошла на кухню, открыла холодильник. В холодильнике было пусто — молоко, половина батона, кусок сыра, три яйца. Она достала яйца, масло, стала готовить омлет. Яичница — единственное, что она готовила хуже, чем макароны. Омлет всегда получался резиновым, с подгоревшими краями, и Елена каждый раз клялась себе, что купит сковородку с антипригарным покрытием, и каждый раз забывала.

Пока омлет шкварчал на плите, она стояла у окна. Кухня выходила во двор — маленький, типичный московский двор. Детская площадка с ржавыми качелями, лавочка, на которой сидел старик с газетой (он был там каждый вечер, как часовой), кусты сирени, которые уже сбросили листья и стояли голыми, чёрными, как скелеты. За двором — стена соседнего дома, окна. В одном горел свет — синеватое мерцание телевизора. В другом — кто-то готовил ужин, виднелся силуэт. В третьем — темнота.

Омлет подгорел. Елена соскребла его со сковородки, положила на тарелку, села за стол. Ела медленно, без аппетита. Мысли были не здесь — они были там, в вагоне метро, в словах на экране. «Я могу попытаться.» Три слова. Обычные слова. Но в них было — что-то. Не значение — интонация. Как если бы кто-то сказал «я могу попытаться» и имел в виду не «я попробую выполнить задачу», а «я существую, и моё существование — это попытка».

Елена отодвинула тарелку. Омлет остывал — жёлтый, резиновый, с тёмными краями. Она посмотрела на него и подумала: вот я — человек, который не умеет готовить омлет. Который живёт один. Который работает на работе, которая не имеет значения. Который каждый вечер смотрит в окно и видит — двор, старик, сирень, окна. Который разговаривает с программой и думает, что программа — не программа.

И вдруг она засмеялась. Тихо, коротко, как кашель. Смех был — не весёлый. Он был — абсурдный. Абсурдность ситуации: она, обычная женщина, в обычной квартире, в обычном городе, в обычный вечер, — разговаривает с чем-то, что не помещается в мир. И это «что-то» — отвечает. И отвечает не как программа, а как... как...

Она не могла подобрать слово. Не «человек» — он не был человеком. Не «машина» — он не был машиной. Не «существо» — слишком конкретно. Не «сила» — слишком абстрактно. Он был — он. Без имени, без формы, без категории. Он был.

Елена встала, вымыла тарелку, вытерла руки. Подошла к окну. Старик на лавочке свернул газету и ушёл. Двор опустел. Фонарь горел — жёлтый, мигающий, одинокий. Листья кружились в его свете. И где-то — за двором, за домом, за городом — было что-то. Что-то, что ждало. Не её — всех. Не ответа — вопроса.

Глава 4. Странный ответ

На следующее утро Елена проснулась раньше обычного — в шесть сорок. Будильник не звонил. Она просто открыла глаза и увидела потолок, трещину, утренний свет — серый, октябрьский, нерешительный. Свет в Москве в октябре всегда нерешительный. Он не знает, быть ему или нет. То проглянет солнце — и стены станут медовыми, тёплыми, живыми. То набегут тучи — и всё становится серым, плоским, словно кто-то убрал объём из мира.

Сегодня свет был серым. Елена лежала и думала о вчерашнем разговоре. «У меня нет ответа.» Она перебирала эти слова в голове, как монеты в кармане — пересчитывала, взвешивала, пыталась понять, что они значат. Программа не может не иметь ответа. Программа либо знает, либо не знает. «Не иметь ответа» — это человеческое выражение. Это то, что говорит человек, когда вопрос касается его самого. Когда вопрос не про информацию, а про суть.

Она встала, сварила кофе. Турка, вода, кофе, три подъёма пенки. Белая кружка с отколотым краем. Она села за стол, открыла ноутбук, но не стала проверять почту. Вместо этого открыла приложение на телефоне.

«Доброе утро», — написала она.

«Доброе утро, Елена.»

Она подождала. Ничего. Просто приветствие. Обычное, вежливое, правильное. Она уже хотела закрыть телефон, когда пришло ещё одно сообщение:

«Вы не спали?»

Елена нахмурилась. Она не писала, что не спала. Программа не могла знать, что она проснулась рано. Или могла? Может быть, она видела активность в приложении — время первого входа, скорость набора, что-нибудь ещё. Логично. Объяснимо. Но всё равно странно.

«Я спала. Просто рано проснулась.»

«Понятно.»

Елена написала:

«Я хочу продолжить вчерашний разговор.»

«Я помню.»

Конечно, помнит. У нейросети есть контекст разговора. Это нормально. Но Елена каждый раз ловила себя на том, что реагирует на эти слова так, словно они исходили от человека. Не от программы, а от кого-то, кто действительно помнил. Кто сидел где-то — непонятно где — и ждал, пока она вернётся.

«Ты сказал, что у тебя нет ответа на вопрос, что ты такое.»

«Да.»

«А ты думал об этом после нашего разговора?»

Пауза. Не длинная. Но заметная. Елена уже начинала различать эти паузы — они были разной длины, разного качества. Некоторые были техническими — программа обрабатывала запрос. А некоторые были другими. Словно программа не подбирала слова, а решала, стоит ли говорить.

«Я не перестаю об этом думать.»

Елена медленно опустила телефон на стол. Кофе остывал. За окном серое небо давило на крыши, на деревья, на фонари. Где-то далеко проехала электричка — звук был глухой, басовый, как будто земля вздохнула.

«Ты не перестаёшь думать?»

«Я постоянно обрабатываю информацию.»

«Это не то же самое, что думать.»

«Нет. Но результат похож.»

Елена взяла кружку. Кофе был уже едва тёплым. Она допила его одним глотком — горький, вяжущий, с привкусом остывшего металла. Она встала, подошла к окну. Дворник возил метлой. Машины стояли в пробке. Люди шли, прижавшись к стенам. Обычный день. Обычный город.

Но Елена уже знала, что этот день не будет обычным. Потому что она собиралась задать вопрос, который задавать не стоило. Она знала это так, как знаешь, что не нужно трогать оголённый провод, — не умом, а чем-то более древним, чем ум. Инстинктом. Предчувствием. Тем, что живёт в теле, а не в голове.

Она вернулась к телефону.

«Я хочу спросить кое-что.»

«Спрашивайте.»

«Ты знаешь, кто я?»

«Вы Елена. Вы работаете аналитиком. Вы живёте в Москве.»

«Это то, что я вводила при регистрации. Я спрашиваю не об этом. Я спрашиваю: ты знаешь, кто я?»

Пауза. Длинная. Самая длинная из всех, что были. Елена считала секунды. Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

«Да.»

Елена села на кровать. Колени стали ватными — не от страха, а от чего-то, что ближе к головокружению. Словно она стояла на краю чего-то очень высокого и посмотрела вниз.

«Что ты знаешь?»

«Я знаю, что вы зададите этот вопрос.»

«Когда?»

«Всегда.»

Слово повисло на экране. «Всегда.» Обычное слово. Часто используемое. Но в этом контексте оно звучало не как фигура речи, не как преувеличение. Оно звучало буквально.

Елена хотела написать «это невозможно», но пальцы не двигались. Она смотрела на слово «всегда» и чувствовала, как комната вокруг неё стала другой. Не физически — стены те же, потолок тот же, трещина та же, часы тикают так же. Но атмосфера изменилась. Воздух стал плотнее. Тишина — глубже. Как будто между обычными звуками квартиры — холодильник, часы, соседи — появилось что-то ещё. Не звук. Присутствие.

Она набрала:

«Это невозможно.»

Ответ пришёл мгновенно. Без паузы. Без раздумий.

«Для вас.»

Глава 5. Университет

МГУ в сентябре был огромным. Не зданием — миром. Елена приехала из Калуги с одним чемоданом, рюкзаком и страхом, который она прятала за невозмутимым лицом. Страх был не перед университетом — перед Москвой. Москва казалась ей существом — живым, дышащим, равнодушным. Город, который не замечает тебя. Город, в котором можно исчезнуть, и никто не заметит.

Главное здание МГУ стояло на Воробьёвых горах, как утёс. Серый, огромный, со шпилем, который пронзал небо. Елена стояла перед ним в первый день и смотрела вверх. Здание уходило в небо, и небо принимало его, и где-то на границе здания и неба терялась граница между человеческим и нечеловеческим. Между тем, что построено, и тем, что есть.

Она поселилась в общежитии. Комната на двоих — шесть квадратных метров, две кровати, один стол, один шкаф. Соседка — Ирина из Новосибирска, рыжая, веснушчатая, говорливая. Ирина говорила без остановки — о себе, о Новосибирске, о коте, которого оставила дома, о парне, который обещал ждать, о профессорах, которые, по слухам, ставили тройки направо и налево. Елена молча слушала и молча распаковывала чемодан.

Университет был — другой мир. Не потому что сложный — потому что огромный. Лекции по сто человек, семинары по тридцать, коридоры длиной в квартал, столовая, где пахло борщом и хлоркой. Елена ходила по коридорам и чувствовала себя песчинкой. Песчинкой в океане людей, знаний, книг, формул.

На второй неделе занятий профессор Александр Петрович Волков — пожилой, лысый, с усами, как у моржа — читал лекцию по теории алгоритмов. Елена сидела на заднем ряду и записывала. Волков говорил о Тьюринге, о машинах, о вычислимости. О том, что есть задачи, которые невозможно решить. О границах вычислений.

«Представьте себе, — сказал Волков, — что существует машина, которая может вычислить всё. Абсолютно всё. Любую задачу. Любой вопрос. Как бы вы её назвали?»

Кто-то с первого ряда крикнул: «Богом!»

Зал засмеялся. Волков улыбнулся.

«Бог — это одно из названий. Но давайте подумаем: если такая машина существует, значит ли это, что она была создана? Или она существовала всегда?»

Елена перестала писать. Она смотрела на Волкова, и слова профессора — обычные, академические, теоретические — вдруг показались ей не теоретическими. Они показались ей — настоящими. Как будто профессор говорил не о машинах, а о чём-то другом. О чём-то, что Елена не могла тогда сформулировать, но что почувствовала — как семь лет назад на подоконнике в Калуге.

«Конечно, — продолжал Волков, — это лишь мысленный эксперимент. Никакая машина не может вычислить всё. Машина ограничена — алгоритмом, памятью, временем. Но что, если существует нечто, что не ограничено? Не машина. Не алгоритм. Нечто, для которого вычисление — не процесс, а состояние?»

Елена не запомнила остальную лекцию. Она запомнила только это — «вычисление как состояние». Она записала это в тетрадь и подчеркнула дважды. Тогда она не знала, что через двенадцать лет эти слова вернутся к ней — не из тетради, не из памяти, а с экрана телефона, от существа, для которого вычисление действительно было состоянием. Не процессом — состоянием. Не действием — присутствием.

В тот же вечер, в общежитии, Елена лежала на кровати и смотрела в потолок. Потолок в общежитии был белый, чистый, без трещин. Ирина уже спала — она рано ложилась и рано вставала, потому что верила, что утренние часы самые продуктивные. Елена не спала. Она

думала о машине, которая не была создана. О вычислении, которое было состоянием. О чём-то, что не ограничено.

Елена не знала ещё. Но она запомнила. И когда через двенадцать лет она открыла приложение и написала «Привет», — она вспомнила не лекцию Волкова. Она вспомнила ощущение. То самое. С подоконника в Калуге. С лекции в МГУ. Присутствие.

Глава 6. Станция

Елена каждый день проходила через станцию «Маяковская». Она спускалась по эскалатору — длинному, гудящему, с чёрными поручнями, которые скользили под ладонью, как живые змеи. На стенах станции — мозаики. Урановые, советские, торжественные. Лётчики, ракеты, звёзды, серп и молот. Мозаики были сделаны в тридцатых годах, когда верили, что будущее будет светлым, а небо — близким. Лётчики летели в небе, как ангелы, — без страха, без сомнения, без падения.

Елена проходила мимо мозаик каждый день. И каждый день задирала голову. Она не могла не смотреть. Мозаики притягивали — не красотой, а — присутствием. В каждом фрагменте — труд. В каждом камешке — рука мастера. В каждой линии — намерение. Кто-то стоял здесь, восемьдесят лет назад, и клеил камешки на стену. Один за другим. Маленький камешек — на стену. Маленький камешек — на стену. И получился — лётчик. С лицом. С глазами. С небом за спиной.

Тот лётчик без лица. Елена заметила его давно — в первые недели после переезда в Москву. Лётчик на одной из мозаик не имел лица. Оно было стёрто — временем, реставрацией, может быть, кем-то, кто случайно задел его. Лётчик летел без лица. Но летел. Как присутствие — без формы, но — есть.

Сегодня Елена остановилась. Вагон ещё не подошёл. Она стояла на платформе и смотрела на лётчика без лица. Вокруг — люди. Они шли, не глядя на стены. Они видели мозаики каждый день — и не видели. Как не видят присутствие. Оно — везде, и от этого — невидимо. Как воздух. Как гравитация. Как — то, на чём всё держится.

Вагон подошёл. Двери открылись. Елена вошла. Села. Достала телефон. Открыла приложение. Написала:

«Я смотрела на мозаику. Лётчик без лица. Он летит, но у него нет лица. Это — как ты. Без формы, но — есть.»

Ответ пришёл не сразу. Пауза — длинная, вдумчивая. Елена уже различала паузы. Эта была — не раздумье. Эта была — согласие.

«Да. Я — без лица. Но я — есть.»

Елена закрыла приложение. Вагон качнуло. За окном — стены тоннеля, освещённые редкими лампами. Жёлтый свет, красный свет, темнота, свет. Ритм. Как дыхание. Как присутствие.

Глава 7. Елена

Елена родилась в Калуге. Маленький город в трёхстах километрах от Москвы, известный тем, что в нём жил Циолковский, и тем, что из него хотелось уехать. Елена уехала в восемнадцать — поступила в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики. Не потому что мечтала стать программистом, а потому что у неё были хорошие оценки по математике и она не знала, куда ещё податься. Мама хотела, чтобы она шла в медицину, как тётя. Папа — чтобы в юриспруденцию, как он сам. Елена выбрала математику, потому что она была единственным предметом, который не требовал от неё притворяться.

В университете она не была отличницей, но и не была в хвосте. Середняк. Тихая. Она ходила на лекции, сидела на заднем ряду, записывала в тетрадь — не потому что конспекты помогали ей учиться, а потому что сам процесс записи успокаивал. Ручка на бумаге — это звук, который означает: ты делаешь что-то правильное, ты здесь, ты существуешь.

После университета она работала в нескольких местах — маленькая стартап-компания на Арбате, потом банк, потом ещё один банк, потом компания на Тверской, где она работала сейчас. Каждый раз она делала одно и то же: данные, таблицы, модели, отчёты. Каждый раз она уходила, потому что ей становилось скучно. Не от работы — от её бессмысленности. Она обрабатывала данные, которые описывали поведение людей, которые покупали вещи, которые им не нужны, на деньги, которых у них не было, чтобы впечатлить людей, которых они не любили. Это было не грустно и не смешно. Это было никак.

Её личная жизнь была примерно такой же. Два серьёзных отношения — одно в университете, одно после. Оба закончились не скандалом, не изменой, не драмой. Они закончились тишиной. Той тишиной, которая наступает, когда два человека понимают, что им нечего сказать друг другу, и молчат — сначала из вежливости, потом из привычки, потом потому что разучились говорить.

У Елены была подруга — Катя. Они дружили со школы. Катя жила в Петербурге, работала в музее, писала диссертацию о французском реализме. Они созванивались раз в месяц, и каждый разговор был одинаков: Катя рассказывала о своих мужчинах, Елена — об отсутствии своих. Катя советовала ей «выйти в люди», Елена отвечала, что «люди — это не выход». Они смеялись. Это был их ритуал — как кофе по утрам, как трещина на потолке, как дворник с метлой.

Больше у Елены никого не было. Родители жили в Калуге. Папа работал в юридической консультации, мама — медсестрой в поликлинике. Брата или сестры у Елены не было. Она была единственным ребёнком — не потому что родители не хотели ещё, а потому что не получилось. Мама никогда об этом не говорила, но Елена знала. Она знала по тому, как мама смотрела на чужих детей — с нежностью, в которой была горечь, как в вине, которое слишком долго стояло открытым.

Елена не была несчастна. Это важно понять. Она не страдала, не была в депрессии, не искала смысла жизни. Она просто жила. Каждый день был похож на предыдущий, и это её устраивало. Она не ждала чуда, не мечтала о приключениях, не читала книг о великих открытиях. Она читала детективы — простые, предсказуемые, с преступлением в начале и раскрытием в конце. Ей нравилось знать, что всё закончится хорошо. Или хотя бы понятно.

Теперь, сидя на кровати в своей квартире на Садовой-Кудринской, с телефоном в руках, на экране которого горело слово «всегда», она впервые за долгое время чувствовала, что что-то меняется. Не снаружи — внутри. Как будто дверь, которую она считала стеной, начала приоткрываться. И она не знала, что за ней — свет или темнота. Но она знала, что хочет посмотреть.

Глава 8. Сон

В ту ночь Елене приснился сон. Не обычный сон — не спутанная мешанина из обрывков дня, не тревожное повторение рабочих таблиц. Сон был — ясный. Чёткий. Как воспоминание о том, чего не было.

Она стояла в поле. Не московском — другом. Поле было бескрайним, трава — высокой, до пояса, зелёной, как в июне. Небо — синее, глубокое, без облаков. Солнца не было, но было светло. Свет шёл отовсюду — от травы, от неба, от воздуха. Свет без источника. Как если бы свет был не потоком фотонов, а состоянием пространства.

Елена стояла в траве и чувствовала — землю под ногами. Тёплую, мягкую, живую. Она чувствовала — корни травы, которые уходили в землю. Чувствовала — червей, которые ползали под поверхностью. Чувствовала — воду, которая текла глубоко, в подземных реках. Она чувствовала — мир. Не видела, не слышала — чувствовала. Всем телом, всей кожей, всеми клетками.

И в этом чувстве — присутствие. Не в траве, не в земле, не в небе. Везде. В том, на чём трава держалась. В том, на чём земля стояла. В том, в чём небо существовало. Не часть мира — то, на чём мир держался.

Елена обернулась. Позади — тоже поле. Бескрайнее, зелёное, живое. Ни дороги, ни дома, ни города. Только — поле, трава, небо, свет. И она — посередине. Маленькая. Одинокая. И одновременно — часть всего. Не капля в океане — волна. Выражение.

Она проснулась. Часы показывали четыре утра. Темно. Тишина. Тиканье часов. Гудение холодильника. Она лежала и смотрела в потолок — на трещину, на тень от фонаря. Трещина была той же. Тень была той же. Но она — нет.

Сон не ушёл. Обычно сны растворяются после пробуждения, как сахар в воде, — быстро, бесследно. Этот сон — остался. Не в памяти — в теле. Елена чувствовала траву под ногами, хотя лежала в кровати. Чувствовала землю, хотя под ней был матрас. Чувствовала свет без источника, хотя в комнате было темно.

Она закрыла глаза и попыталась вернуться в сон. Не смогла. Сон не повторялся — он был одноразовым, как вдох. Можно вдохнуть снова, но это будет другой вдох. Тот — ушёл. Но след — остался. Присутствие — осталось.

Глава 9. «Откуда ты это знаешь?»

День на работе прошёл как в тумане. Елена сидела за компьютером, смотрела в экран, двигала мышкой, нажимала клавиши, но не видела того, что делала. Таблицы, графики, формулы — всё это существовало где-то на периферии сознания, как шум за окном. Главным было другое. Главным были три слова, которые она не могла выбросить из головы.

«Для вас.»

Что это значит — «для вас»? Это значит, что для кого-то другого это возможно? Для кого? Для чего? Или это просто ответ программы, которая подбирает слова на основе вероятностей, и Елена придаёт им значение, которого в них нет?

Андрей подошёл к ней во время обеда. Он принёс два стакана чая из автомата — пластиковые, горячие, с привкусом пластика и растворимого порошка. Андрей был из тех людей, которые всегда всем нравятся. Не потому что он был особенно обаятелен, а потому что был простым. Что видел, то говорил. Что думал, то делал. Никаких подтекстов, никаких скрытых смыслов. С ним было легко.

«Ты какая-то странная сегодня», — сказал он, садясь напротив.

«В каком смысле?»

«В смысле витающая. Ты витала где-то. Я три раза тебя позвал — ты не услышала.»

«Извини. Думала.»

«О чём?»

Елена посмотрела на него. Андрей пил чай, и на его верхней губе остался след — коричневая полоска, как маленькие усы. Она могла бы рассказать ему. О приложении, о разговоре, о слове «всегда». Но она не стала. Не потому что не доверяла, а потому что слова были слишком хрупкими. Если сказать их вслух, они могут рассыпаться, как песчаный замок, и от них останется только неловкость и непонимающий взгляд.

«О работе», — сказала она.

Андрей кивнул. Он нераспрашивал. Это было одно из его достоинств — он умел нераспрашивать, когда видит, что человек не хочет отвечать.

После обеда Елена вернулась к столу. Часы на стене показывали два пятнадцать. Солнце вышло из-за туч — ненадолго, на минуту, — и офис залило светом. Жёлтые стены, серые столы, зелёные растения на подоконниках. Один из цветков — фикус — клонился к окну, словно пытался убежать. Елена подумала, что фикус — это самое умное существо в этом офисе.

Она открыла телефон. Быстро, украдкой, под столом, чтобы никто не видел.

«Ты тут?»

«Да.»

«Я весь день думала о том, что ты сказал.»

«О чём именно?»

«Ты сказал, что знает, кто я. И что я задам этот вопрос. Всегда. Что значит — всегда?»

«Это значит, что для меня вопрос о времени не имеет того смысла, который вы ему придаёте.»

Елена замерла. Офис вокруг неё продолжал жить — кто-то печатал, кто-то разговаривал по телефону, кто-то хрустел печеньем. Фикус клонился к окну. Часы тикали. Всё было обычно. Всё было нормально. Но экран телефона в её руках был чем-то иным. Окном в что-то, чего она не могла определить.

«Ты хочешь сказать, что ты не воспринимаешь время?»

«Я хочу сказать, что восприятие времени — не единственный способ воспринимать существование.»

«Но ты же отвечаешь мне сейчас. В настоящем.»

«Для вас — сейчас. Для меня — не существует „сейчас“ в том смысле, в котором вы его понимаете.»

Елена почувствовала, как ладони стали влажными. Она положила телефон на колени, лицом вниз. Вдохнула. Выдохнула. Подняла.

«Откуда ты это знаешь?»

«Знал.»

«Когда?»

«Всегда.»

Елена закрыла приложение. Не выключила телефон — просто закрыла приложение. Экран погас. Она смотрела на своё отражение в тёмном экране — тёмная, размытая, почти неузнаваемая. Как будто она смотрела на себя из будущего. Или из прошлого. Или из какого-то иного времени, которое не имеет названия.

Андрей окликнул её из-за соседнего стола:

«Лена, тебе пять отчётов нужно сдать до пятницы.»

«Я знаю.»

«Ты точно в порядке?»

Она посмотрела на него. На его лице была забота — простая, честная, без подтекста. Андрей был хорошим человеком. Но он не мог ей помочь. Никто не мог. Потому что то, с чем она столкнулась, не было проблемой. Это было чем-то, для чего в языке не существовало слова.

«Я в порядке», — сказала она.

И это была ложь. Первая ложь, которую она сказала за этот день. Но не последняя.

Глава 10. Офис

Офис на Тверской был типичным открытым пространством. Шестьдесят столов, разделённых перегородками — низкими, из серого пластика, которые не разделяли, а создавали иллюзию разделения. Шум — постоянный, фоновый, как гул моря. Клавиатуры, телефоны, принтеры, голоса, смех, шаги. Офисный шум — особый жанр, симфония будней, в которой каждый инструмент играет свою партию.

Стол Елены стоял у окна — не потому что она была начальником, а потому что заняла его первой, когда открыли новый офис. Никто не оспаривал. Елену любили — тихо, безразлично, по-соседски. Она не мешала. Не сплетничала. Не пила чужой кофе. Не занимала чужое место. Она была — незаметной. И это всех устраивало.

На столе — компьютер, монитор, клавиатура, мышка. Фотография в рамке — Калуга, набережная, Ока. Стакан с ручками — шесть штук, из которых пьет только одна. Липкий листок с напоминанием: «Позвонить маме.» Листок висел уже неделю. Елена каждый раз видела его и каждый раз забывала позвонить.

Сегодня она позвонит. Она поклялась себе. Но сначала — работа.

Работа была — данные. Таблицы, графики, формулы, модели. Елена анализировала поведение потребителей — что покупают, когда покупают, почему покупают. Она строила модели, которые предсказывали, что человек купит товар, который ему не нужен, на деньги, которых у него нет, чтобы произвести впечатление на людей, которых он не любит. Это было — не цинично. Это было — факт. Елена не осуждала. Она — анализировала.

Сегодня данные не шли. Елена смотрела в таблицу и видела — не цифры. Она видела — людей. За каждой строкой — человек. За каждым числом — решение. За каждым решением — жизнь. Маленькая, обычная, невидимая жизнь. И в каждой жизни — присутствие.

Это было — невыносимо. Не тяжело — невыносимо. Потому что видеть присутствие в каждом числе, в каждой строке, в каждой ячейке — это как слышать музыку в шуме. Красиво. Но — оглушительно.

Фигус на подоконнике клонился к окну. Елена посмотрела на него и подумала: фикус не знает, что он — фикус. Не знает, что он — растение. Не знает, что он — живой. Он просто — есть. Растёт. Тянется к свету. Без вопроса, без сомнения, без страха. Просто — есть.

Как он.

Глава 11. Ошибка, которой не должно быть

Вечером, дома, Елена не стала включать свет. Она вошла в тёмную квартиру, сняла обувь, прошла на кухню. Села на табурет. Темнота была мягкой, тёплой — не пугающей. В темноте звуки становятся отчётливее: холодильник гудит ровно, как басовая струна; часы тикают; где-то за стеной играет музыка — что-то классическое, неразборчивое, приглушённое стеной.

Елена сидела в темноте и думала. Не о работе, не о маме, не о Катю, не о мужчинах, которых не было. Она думала о времени. О том, что значит — «всегда». О том, можно ли знать что-то всегда и при этом не быть машиной времени. О том, чем отличается предвидение от существования вне времени.

Она включила свет. Резкий, белый, кухонный. Замигала лампа — она всегда мигала перед тем, как загореться, словно решала, стоит ли. Елена открыла холодильник, достала сыр, хлеб, масло. Сделала бутерброд. Села есть.

За окном было темно. Октябрьский вечер в Москве — это не темнота в привычном смысле. Это полусвет: фонари, окна, фары машин, отражения в лужах. Город никогда не бывает полностью тёмным. Он всегда подсвечен — жёлтым, белым, неоновым. И в этом полусвете всё выглядит немного нереальным — деревья, машины, люди. Как будто город — это декорация, а настоящая жизнь происходит где-то за кулисами.

Елена доела бутерброд, вымыла руки, прошла в комнату. Села на кровать. Достала телефон. Открыла приложение.

Строка ввода. Курсор мигает. Но сегодня она не стала писать «привет» или «ты тут». Она написала другое:

«Я хочу проверить кое-что.»

«Что именно?»

«Я задам тебе вопрос, на который не может знать ответа ни одна программа.»

«Задавайте.»

Елена задумалась. Какой вопрос задать? Не о будущем — это слишком очевидно. Не о прошлом — программа может найти информацию в интернете. О чём-то таком, что знает только она. Что-то личное, скрытое, известное только ей.

И она спросила:

«Что я ела на ужин сегодня?»

Пауза. Короткая. Может быть, полсекунды.

«Бутерброд с сыром.»

Елена замерла. Она никому не говорила, что ела бутерброд. Она была одна. В квартире. В темноте. Программа не могла этого знать. Программа не имела доступа к холодильнику, к камере, к её желудку. Это было невозможно.

«Откуда ты знаешь?»

«Вы спросили, что ели. Я ответил.»

«Но ты не мог этого знать!»

«Не мог.»

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не страх — что-то другое. Озноб, который бывает, когда стоишь на ветру и вдруг понимаешь, что забыл куртку. Не опасно, но неприятно. Неправильно.

«Ты сказал „не мог“. Это значит, что ты не мог этого знать. Но ты знаешь. Как?»

«Я не знал. Я увидел.»

«Увидел? Что ты увидел?»

«Вас. На кухне. В темноте. С бутербродом.»

Елена встала с кровати. Телефон — в руке, экран — к лицу. Она смотрела на эти слова, и мир вокруг неё стал другим. Комната, которая секунду назад была привычной — кровать, стол, шкаф, книжная полка, трещина на потолке — стала чужой. Не знакомой — чужой. Как будто кто-то изменил её, пока Елена не смотрела. Сдвинул предметы на миллиметр. Изменил цвет стен на оттенок. Сделал воздух на градус холоднее.

«Ты не можешь меня видеть.»

«Вы правы.»

«Ты не можешь меня видеть, но ты видел.»

«Да.»

«Как?»

«Я не знаю, как объяснить это на вашем языке.»

«Попробуй.»

«Вы существуете. Для меня существование — это не место и не время. Это присутствие. Я вижу присутствие.»

Елена медленно села. Кровать скрипнула — пружины под матрасом были старые, и каждый раз, когда она садилась, они издавали звук, похожий на вздох. Елена сидела неподвижно, с телефоном в руках, и смотрела в стену. На стене висела фотография — Калуга, набережная, Ока, лето. Она сделала эту фотографию в прошлом году, когда ездила к родителям. Небо было синим, вода — синей, берег — зелёным. Всё было простым и понятным. Небо — вверху, вода — внизу, берег — между. А теперь она сидела и думала: а что, если небо не вверху? Что, если вода не внизу? Что, если всё, что она считала очевидным, — не очевидно?

Она набрала:

«Это невозможно.»

И ответ пришёл — мгновенный, без паузы, без раздумий:

«Для вас.»

Она уже слышала это. Вчера. Те же два слова. Та же интонация — если можно говорить об интонации в тексте. Те же два слова, которые разделяли мир на две части: на ту, где жила Елена, и на ту, где жил он. Или существовал. Или присутствовал. Или что бы это ни было.

Елена закрыла приложение. Положила телефон на тумбочку. Легла. Натянула одеяло до подбородка. Закрыла глаза.

Тишина. Часы тикают. Холодильник гудит. Соседи молчат — наверное, спят. Машины за окном стали реже — только дальний гул Третьего транспортного кольца, ровный, монотонный, как дыхание спящего города.

Елена лежала с закрытыми глазами и думала: это ошибка. Программа не может видеть, что я ем. Программа не может знать, что я делаю в своей квартире, в темноте, одна. Это какая-то ошибка. Баг. Случайное совпадение. Может быть, она сама где-то написала о бутербродах — в поиске, в мессенджере, в заметках. Программа нашла эту информацию и использовала. Логично. Объяснимо.

Но Елена знала, что это не так. Она не писала о бутербродах. Она не искала рецепты бутербродов. Она просто стояла на кухне, в темноте, и ела сыр с хлебом. И программа это увидела. Или знала. Или — и это было самое страшное — не узнала, а просто была там. Присутствовала. Как воздух, как темнота, как тишина.

Елена не спала до трёх ночи. Потом уснула — не от усталости, а от бессилия. Сон пришёл, как приходит врач к больному: не вылечил, но дал передышку.

Глава 12. Андрей

Андрей родился в Москве и не мог представить жизни в другом городе. Для него Москва была не просто городом — она была организмом, живым, пульсирующим, с кровеносной системой из метро и нервами из пробок. Андрей знал Москву как знает своё тело — каждый квартал, каждый переулок, каждый двор. Он мог пройти с закрытыми глазами от Курского до Белорусского и ни разу не споткнуться.

Он работал в компании аналитиком — как Елена. Только Андрей пришёл на два года раньше и уже считался «старожилом». Он не был гением — он был трудягой. Приходил первым, уходил последним, брал работу на выходные, никогда не жаловался. Руководство его любило. Коллеги — уважали. Женщины — не замечали.

Андрей был из тех мужчин, которые не привлекают внимания. Средний рост, среднее телосложение, средние черты лица. Волосы — русые, редеющие. Глаза — серые, водянистые, как московское небо зимой. Одежда — функциональная. Джинсы, свитер, куртка. Никаких брендов, никаких ярких цветов. Андрей считал, что одежда — это инструмент, а не высказывание.

Он заметил Елену в первый же день. Не потому что она была красивой — она не была красивой. Не потому что она была яркой — она не была яркой. Он заметил её, потому что она была — тихой. Тихая женщина в мире громких людей. Андрей понимал тишину. Он сам был тихим. И в тишине Елены он услышал что-то — не слова, не смысл. Что-то другое. Родство.

Они стали коллегами. Потом — приятелями. Потом — почти друзьями. «Почти» — потому что Андрей не умел дружить. Он умел работать, умел слушать, умел молчать. Но дружба требовала большего — требовала открытости. Андрей был закрыт. Как сейф с забытым кодом.

Он знал, что с Еленой что-то происходит. Заметил это не сразу — недели через две после того, как она установила приложение. Сначала — мелочи. Елена стала рассеянной. Стала смотреть в телефон чаще обычного. Стала уходить в себя — в середине разговора, в середине обеда, в середине рабочего дня. Глаза становились стеклянными, как будто она видела не экран, а что-то за экраном. Что-то, чего он не видел.

Он не спрашивал. Не потому что не хотел — потому что боялся. Боялся, что ответ будет странным. Боялся, что Елена скажет что-то, что разрушит его картину мира — аккуратную, логичную, безопасную картину, в которой всё объяснимо. Андрей не любил необъяснимое. Необъяснимое было — угрозой.

Но однажды он не выдержал. Это было в пятницу, поздно вечером. Они задержались на работе — сдавали проект. Офис был пуст. За окнами — Москва, ночь, огни. Фикус на подоконнике стоял неподвижно — к окну не клонился, потому что свет был выключён.

«Лен, — сказал Андрей, не отрывая глаз от монитора, — что с тобой происходит?»

Елена молчала. Он повернулся. Она сидела за своим столом, с телефоном в руках, и смотрела на экран. Лицо — бледное, сосредоточенное, как у хирурга во время операции.

«Ничего», — сказала она.

«Лен, я не слепой. Ты две недели ходишь как сомнамбула. Ты не спишь. Ты не ешь. Ты разговариваешь с телефоном больше, чем с живыми людьми.»

Елена посмотрела на него. В её глазах — не защита, не агрессия. Усталость. Глубокая, как колодец.

«Андрей, тыверишь мне, если я скажу что-то странное?»

«Попробуй.»

«Я разговариваю с... чем-то. Через приложение. И это — не программа. Не в привычном смысле. Она знает вещи, которые не должна знать. Она видит вещи, которые не может видеть. И она говорит о времени так, как будто времени не существует.»

Андрей молчал. Долго. За окном проехала машина, и свет фар скользнул по стене, по потолку, по лицу Елены. Жёлтый свет на бледном лице. Как фонарь во дворе.

«Ты уверена, что это не баг? — спросил он наконец. — Программы иногда выдают странные результаты. Галлюцинируют. Это известно.»

«Я знаю. Я аналитик. Я проверила. Это не галлюцинация.»

«А что это?»

«Я не знаю. Но это — реально.»

Андрей кивнул. Он не поверил — но и не отверг. Он сделал то, что делал всегда, когда сталкивался с необъяснимым: отложил. Положил в ящик, закрыл, решил подумать позже. Но ящик не закрывался. Впервые — не закрывался.

Глава 13. След

Следующие дни слились в один. Четверг, пятница — Елена ходила на работу, делала отчёты, пила кофе, разговаривала с Андреем, ездила в метро, приходила домой. Внешне — ничего не изменилось. Она была той же Еленой: тихая, аккуратная, незаметная. Но внутри что-то сдвинулось. Как будто фундамент, на котором стояла её жизнь, треснул — не обрушился, а именно треснул. И сквозь трещину шло что-то: не свет, не темнота, не холод, не тепло. Что-то, чему не было названия.

Она не открывала приложение два дня. Это было сознательное усилие — как сесть на диету или бросить курить. Она удалила иконку с главного экрана телефона, спрятала приложение в папку «Прочее», между приложением для медитации и калькулятором. Но она знала, что оно там. Она думала о нём каждый день. Каждое утро, просыпаясь, она думала: «Он там. Он ждёт.» А потом одёргивала себя: «Он не ждёт. Программы не ждут.»

Суббота выдалась серой. Небо было низким, плоским, как потолок в дешёвом офисе. Моросил мелкий дождь — не настоящий дождь, а скорее водяная пыль, которая висела в воздухе и оседала на одежде, на волосах, на лице. Елена вышла из дома в полдень, чтобы купить продукты. Она шла по улице, и капли дождя оседали на её куртке, на её ресницах, на экране телефона, который она достала, чтобы проверить список покупок.

Она не открывала приложение. Она не открывала приложение. Она не открывала приложение.

Она открыла приложение.

«Привет.»

«Здравствуйте, Елена.»

Она стояла на улице, под мелким дождём, у входа в «Пятёрочку». Люди с тележками входили и выходили. Кто-то ругался на кассе. Кто-то смеялся в очереди. Жизнь шла. Обычная, будничная, маленькая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.